

«О горе вечное Мстиславу!
На мне вина такого дня».³³

Начало поэмы показывает раненого князя еще полностью в стиле фольклора как индивидуальную личность:

На холме ракивов куст.
Отдыхает одинокий
Витязь там.³⁴

Конец поэмы ознаменован спасением князя Даниилом и верными дружинниками. Самобичеванию Мстислава, который принимает на себя всю вину за национальную катастрофу, противопоставлена глубокая привязанность рядовых воинов к своему князю:

Но Даниил прикрикнул на детей:
«Вы, отроки! сюда бегите спешно.
Вам вечный стыд, мне горе неутешно,
Коль наш отец от тяжких ран умрет;
Моя — ничто: и после заживет».
Мстиславу все бегут помочь толпою.³⁵

Такое патриархальное отношение между князем и дружинниками основано, конечно, отчасти на традиции древних времен, но уже здесь, в общественной ситуации XIII в., оно тесно связано с вопросом об идеальном правителе в высоко развитом феодальном государстве.

Если уже у Катенина образ Мстислава подаи трагически, то мы находим этот трагизм еще более усиленным после 1825 года в декабристских поэмах «Василько» А. И. Одоевского и «Андрей, князь переяславский» А. А. Бестужева-Марлинского. Правда, в отличие от Катенина трагизм здесь обусловлен не внешней причиной, как это изображается в поэме «Мстислав Мстиславич», в виде татарского нашествия, а является следствием внутренних междоусобиц князей и их интриг по отношению друг к другу. Благодаря такому выбору сюжета трагизм еще более усиливается, так как он вызван самими князьями. Несомненно, что в этом отразились некоторые ретроспективные размышления, возникшие у поэтов-декабристов после неудачи восстания.

Оба изображенных князя, как Василько у Одоевского, так и Андрей у Бестужева, нередко отклоняются от своих исторических прототипов. Они идеализованы, причем такое этическое повышение исторически обосновано в той мере, в какой на них обоих перенесена служащая народным интересам политическая концепция Владимира Мономаха. Таким образом, мы можем установить, что личность Мономаха, как это уже отмечено выше, не нашедшая себе в пушкинскую эпоху непосредственного литературного изображения, получила косвенное воплощение. Этому способствовало то обстоятельство, что в историческом предании Мономаха, с одной стороны, и Василько или Андрей — с другой, тесно соприкасались. Рассказ Василька следует рассматривать как публицистическое произведение, вдохновленное непосредственно Мономахом,³⁶ а Андрей был кровным сыном Мономаха.

В X строфе первой песни Одоевский вкладывает в уста своего героя Василька слова, напоминающие нам заботливое отношение Мономаха к простым смердам:

³³ П. А. Катенин. Избранные произведения. М.—Л., 1965, стр. 112.

³⁴ Там же, стр. 108.

³⁵ Там же, стр. 111.

³⁶ Ср.: В. А. Рыбаков. Древняя Русь Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 274—279.